

*Ибо говорю вам, что Бог может из камней сих
воздвигнуть детей Аврааму
Мф. 3:9.*

CHRISTO
VERO
REGI¹

¹ Христу – истинному царю (лат.)

СОДЕРЖАНИЕ

РОБЕРТ ЖИРУ
ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ
9

УИЛЬЯМ Х. ШЕННОН
ПОЯСНЕНИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ
17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1
ДОМ ПЛЕННИКА
23

ГЛАВА 2
БОГОМАТЕРЬ МУЗЕЕВ
57

ГЛАВА 3
СОШЕСТВИЕ ВО АД
103

ГЛАВА 4
ДЕТИ НА ТОРЖИЩЕ
180

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1
ДОРОГОЮ ЦЕНОЙ
227

ГЛАВА 2
ВОДА ПРЕРЕКАНИЯ
295

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

МАГНИТНЫЙ СЕВЕР

333

ГЛАВА 2

ИСТИННЫЙ СЕВЕР

380

ГЛАВА 3

СПЯЩИЙ ВУЛКАН

424

ГЛАВА 4

СЛАДКИЙ ВКУС СВОБОДЫ

464

ЭПИЛОГ

MEDITATIO PAUPERIS IN SOLITUDINE

501

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

521

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ

525

РОБЕРТ ЖИРУ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

«Семиярусная гора» была впервые опубликована пятьдесят лет назад, в октябре 1948 года. Как видно из дневника Томаса Мертона, он начал работать над автобиографией на четыре года раньше, в трапистском монастыре в Кентукки, куда приехал в декабре 1941 года в возрасте двадцати шести лет, оставив должность преподавателя английской литературы в Колледже Св. Бонавентуры в Олеме, штат Нью-Йорк. «Есть человек, — писал Мертон, — в определенном смысле еще в большей, чем я, степени ответственный за появление “Семиярусной горы”, равно как он же был причиной появления всех остальных моих произведений». Этим человеком был дон Фредерик Данн¹, аббат, который принял Мертона в качестве кандидата, а в марте 1942 года — в качестве послушника ордена трапистов.

«Все свои инстинкты писателя я принес с собой в монастырь», — свидетельствует Мертон, добавляя, что настоятель «поддерживал меня, когда я хотел записывать стихи, размышления или что-то другое, что приходило в голову во время моего послушничества». Дон Фредерик предложил Мертому написать историю своей жизни, и поначалу послушник делал это с большой неохотой. В конце концов, он ведь решил стать монахом для того, чтобы оставить позади прошлую жизнь. Однако стоило начать писать, и работа пошла. «Не знаю, какую именно аудиторию я видел перед собой, — признавался Мертон, — мне кажется, я высказывал то, что было во мне, пред лицом Бога,

¹ Dom Frederic Dunne; Dom — дон (почтительное обращение к священникам или бенедиктинским и картезианским (и, соответственно, трапистским) монахам у католиков). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

который знает, *что* во мне». Через некоторое время он попытался «смягчить» первоначальный набросок текста ради траппистских цензоров, остро критиковавших его в особенности за описание лет, проведенных в Колледже Клер (Кембриджский университет), когда он стал отцом незаконнорожденного ребенка (ребенок, по всей вероятности, погиб вместе со своей матерью во время бомбардировки Лондона). За это Мертон был «отослан» — исключен — из колледжа, и его английский опекун (оба родителя Мертона умерли) посоветовал ему покинуть Англию, объяснив, что о дипломатической карьере в Лондоне можно забыть. Мертон отправился в Америку и поступил в Колумбийский колледж, где мы и встретились в 1935 году.

В Соединенных Штатах все еще царила Великая депрессия, времена были серьезные, серьезными были и студенты университета. Среди моих и Мертона сокурсников были Эд Рейнхардт, сделавшийся известным художником, Джон Латуш, прославившийся в мире музыкального театра, Герман Воук, знаменитый романист, Джон Берримен, ставший выдающимся поэтом, Роберт Лэкс, Эдвард Райс, Роберт Гибни и Сай Фридгуд, близкие друзья, связанные с Мертоном работой в юмористическом журнале колледжа «Джестер», и Роберт Герди, ставший впоследствии редактором «Нью-Йоркера».

Мы встретились в кампусе, когда Мертон пришел в офис «Колумбия Ревью», литературно-художественного журнала, издававшегося в колледже, и показал мне рукописи — рассказ и несколько рецензий, которые мне понравились и которые я принял. Про себя я подумал: «Этот парень — писатель». Это был коренастый, голубоглазый человек, с редеющими светлыми волосами, живой речью и легким британским акцентом. Он был студентом предпоследнего курса, я — выпускного. Он рассказал мне о своем увлечении джазом и Гарлемом, кино — особенно У. К. Филдсом, Чаплином, Китонем, братьями Маркс, Престоном Стёрджесом, интерес к которым разделял и я. Нам обоим нравился Марк Ван Дорен как учитель. Пару раз мы смотрели фильмы в старой «Талии»², и конечно, в эти левацкие времена такие слова как религия, монашество, богословие, никогда не всплывали. Я окончил университет в июне 1936-го, не смог найти работу в книжном издательстве (как надеялся), и устроился в CBS³. А в декабре 1939-го Фрэнк В. Морли, глава отдела продаж «Харкорт Брэйс

² *Thalia* (Талия — муза комедии и идиллической поэзии) — небольшой кинотеатр в Нью-Йорке, на Бродвее, известный избранным репертуаром фильмов (классика и авангард кино), популярный в среде студентов и киноманов нескольких поколений. Закрылся в конце 1980-х гг. Существует одноименный современный кинотеатр.

³ *CBS Broadcasting Inc.* (первоначально — *Columbia Broadcasting System* (CBS)) — одна из крупнейших в США коммерческих радио- и телевизионных компаний.

энд Компани», с одобрения Дональда С. Брэйса (который основал эту выдающуюся фирму вместе с Альфредом Харкорттом в 1919 году) нанял меня в качестве младшего редактора. Среди первых рукописей, которые мне предстояло оценить, был роман Томаса Джеймса Мертона, предложенный Наоми Бартон из литературного агентства «Кёртис Браун Лимитед». Героем «Дуврского пролива» был студент Кембриджа, который перевелся в Колумбийский университет и увлекся бестолковой миллионершей, танцовщицей, поклонницей индийской музыки и левых идей. Все действие происходило в Гринвич-Виллидж⁴. Я согласился с другими издателями, что автор талантлив, но сюжет топчется на месте и оканчивается ничем. Шесть месяцев спустя Наоми прислала «Лабиринт», улучшенный вариант того же романа, который также был отвергнут.

Впервые после окончания колледжа мы случайно встретились в книжном магазине Скрибнера на Пятой авеню, это было в мае или июне 1941 года. Я листал книги и почувствовал, что кто-то коснулся моего плеча. Это был Мертон. «Том! — воскликнул я. — Рад тебя видеть. Надеюсь, ты все еще пишешь?» «Ну, — ответил он, — я только что из “Нью-Йоркера”, они хотят, чтобы я написал для них о Гефсимании». Я понятия не имел, что это такое, и сказал ему об этом. «О, это траппистский монастырь в Кентукки, куда я ушел». Это открытие меня ошеломило. Я и подумать не мог, что с Мертоном произошло религиозное обращение и он интересуется монашеством. «Что ж, — надеюсь прочесть, что ты об этом напишешь, — сказал я. — Для “Нью-Йоркера” это будет нечто совершенно необычное». «Ну что ты, — ответил он, — я бы *в жизни* не подумал писать об этом». Это объяснило мне многое. Только сейчас я понял, какая необыкновенная перемена произошла с Мертоном. Я пожелал ему всего доброго, и мы расстались.

В следующий раз я услышал о нем от Марка Ван Дорена, когда под Новый год позвонил старому учителю поздравить его. «Том Мертон стал траппистским монахом, — сказал Марк. — Возможно, мы больше никогда о нем не услышим. Он оставляет мир. Необыкновенный молодой человек. Я всегда думал, что он станет писателем». Том оставил у Марка рукопись, «Тридцать стихотворений», и Марк позднее предложил ее моему другу Джею Лафлину в «Нью Дайрэкшнз», который и опубликовал ее в 1944 году. Мы еще не знали, как много книг последует за ней.

Частично одобренный текст «Семиярусной горы» достиг Наоми Бартон в конце 1946 года. Ее реакция, как отметил Том в своем дневнике, была положительной. «Она уверена, что книга найдет издателя.

⁴ Район Нью-Йорка, на западе Манхэттена, известный с XIX в. как колония художников, писателей и поэтов. Здесь же расположен главный кампус Нью-Йоркского университета.

Во всяком случае, моя идея — и ее тоже — послать ее Роберту Жиру в “Харкорт Брэйс”. Эта запись датирована 13-м декабря. Четырнадцать дней спустя он записал в своем дневнике: «Вчера за обедом отец настоятель передал мне телеграмму. ... Первая мысль, которая пришла мне в голову — что рукопись “Горы” потерялась. Наоми Бартон передала ее в “Харкорт Брэйс” только неделю назад. Я прекрасно знаю, что издатели всегда заставляют вас ждать по меньшей мере пару месяцев, прежде чем что-нибудь ответят. ... Я подождал, пока закончится обед, и тогда открыл телеграмму. Она была от Боба Жиру и гласила: “Рукопись принята. Счастливого Нового года!”»

Получив рукопись от Наоми Бартон, я стал читать ее с нарастающим интересом и взял домой, чтобы закончить ночью. Хотя текст начинался плохо, но вскоре делался лучше, и я был уверен, что, с некоторыми сокращениями и редактированием, он вполне может быть опубликован. Мне ни на минуту не пришло в голову, что он станет бестселлером. Поскольку Фрэнк Морли оставил фирму, моим временным непосредственным начальником был Дональд Брэйс. Я просил его прочесть рукопись, но он уклонился, спросив: «Как думаешь, мы потеряем на ней деньги?» «О, нет, — ответил я, — думаю, она найдет свою аудиторию». Я рассказал ему, что Том — мой соученик по Колумбийскому университету (Брэйс и Харкорт тоже были «колумбийцами») и я не уверен, что я в должной мере объективен. «Мертон пишет хорошо, — добавил я, — и мне хотелось бы, чтобы вы на это взглянули, Дон». (Я только что стал главным редактором.) «Нет, Боб, — ответил он, — если тебе нравится, — берем». На следующий день я позвонил Наоми с хорошим (на тот период) предложением, которое она приняла от имени монастыря. (Мертон, естественно, не получал ни пенни от своих гигантских впоследствии гонораров, поскольку дал монашеский обет бедности; весь доход шел общине.) Потом я отправил телеграмму в монастырь.

С редакторской точки зрения тут было две проблемы — неуместное эссе-проповедь в начале повествования, и необходимость сокращений. Книга открывалась образчиком неподходящего «прекрасного» стиля. Начало было такое:

Каждый раз, когда зачинается человек, когда человеческая природа возникает как индивидуальное, конкретное существо, отдельная жизнь, личность, — в мире снова запечатлевается образ Божий. Свободная, витальная, способная к саморазвитию сущность, дух, оживляющий плоть, комплекс энергий, готовых начать движение к плодотворному развитию, загорается потенциальным светом, разумом и добродетелью, возгорается любовью, без которой не существует дух. Она готова к познанию неведомых высот. Жизненный центр этого нового творения есть свободное и духовное начало, зовущееся душой. Душа есть жизнь этого существа, а жизнь души есть любовь, которая соединит ее с началом

Роберт Жиру. ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

всякой жизни — Богом. Тело, которое соткалось здесь, не будет жить вечно. Когда душа, жизнь, покинет его, оно умрет...

И так далее, на много-много страниц. Я обратил внимание Тома на то, что он пишет *автобиографию*, и читатель прежде всего захочет узнать, кто такой *автор*, откуда родом и как сюда попал. Начало было слишком абстрактным, затянутым, скучным. Он охотно принял критику и, в конце концов, нашел правильное вступление. В книгах, которые становятся классикой («Классика — это книга, которая остается в печати» — Марк Ван Дорен), начальные слова часто кажутся единственно возможными, словно иных и быть не могло — «Зовите меня Измаил», «Все счастливые семьи похожи друг на друга», «Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен»⁵. Новое вступление у Мертоня начиналось так: «Я появился на свет в тени французских гор на границе с Испанией в последний день января 1915 года, под знаком Водолея, в разгар великой войны». Оно личное, конкретное, живое и сразу вовлекает читателя в сюжет. Оставалась еще работа, связанная с редакторской шлифовкой — убрать лишнее многословие, повторы, длинноты, скучные пассажи. Должен сказать, что Мертон чутко отзывался на замечания и охотно вносил все эти мелкие исправления. «“Гору” действительно было необходимо урезать, — писал он другу. — Объем был невозможный. Редактор в “Харкорте” был, есть, мой друг Боб Жиру. ...Когда слышишь, как твои слова читают вслух в трапезной, начинаешь жалеть, что они вообще были написаны».

Затем, в разгар работы над подготовкой издания, наступил кризис. Мертон сообщил Наоми, что один из цензоров, приславший свое мнение последним, отказал в разрешении на публикацию книги! Не зная, что у автора подписан контракт, этот престарелый цензор из другого аббатства возражал против «разговорного стиля» Мертоня, который казался ему неподобающим для монаха. Он советовал отложить книгу до тех пор, пока Мертон не «научится писать на достойном английском языке». Наоми выразила и мое мнение, когда написала: «Мы считаем, что твой английский — очень высокого уровня». У нас сложилось впечатление, что эти анонимные цензоры не пропустили бы и «Исповедь» св. Августина, будь у них такой шанс. В этих обстоятельствах я посоветовал Мертону обратиться к генеральному аббату во Франции, и к нашему облегчению генеральный аббат написал, что стиль автора — его личное дело. Это разрядило атмосферу, и цензор благоразумно отозвал свой отзыв. (Лично я подозреваю, что Мертон, родившийся во Франции, написал генеральному аббату — который не читал и не говорил по-английски — на таком

⁵ Соответственно: начальные слова романа «Моби Дик, или Белый Кит» Германа Мелвилла; первая фраза (ч. 1, гл. I) романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого; начало «Повести о двух городах» Ч. Диккенса.

прекрасном французском, что тот сделал вывод, что и английский его льется как песня.) Наконец, «Гору» можно было опубликовать.

Когда летом 1948 года были получены предварительные оттиски, я решил послать их Ивлину Во, Клэр Бут Люс, Грэму Грину и епископу Фултону Шину.⁶ К моему удовольствию, все они отозвались в похвальных и даже превосходных тонах, и мы использовали цитаты из отзывов на суперобложках и в рекламных объявлениях. На этой стадии мистер Брэйс повысил тираж с 5 000 до 12 500, а позже, когда книгу закупили три книжных клуба⁷, — до 20 000 экземпляров. В ноябре, спустя месяц после публикации, был продан 12 951 экземпляр, а в декабре число продаж подскочило до 31 028. С середины декабря до конца новогодних праздников обычно бывает затишье, и число заказов снижается, потому что книжные склады к тому времени переполнены. Но следующий период продаж был поразителен — «Гора» стала бестселлером! Теперь в это трудно поверить, но «Нью-Йорк Таймс» отказалась включить книгу в свой еженедельный топ-список на том основании, что «это религиозная книга». В мае 1949 года, когда монастырь пригласил меня и других друзей Мертона на его рукоположение, я взял с собой в качестве подарка стотысячный экземпляр книги в особом сафьяновом кожаном переплете. (Когда я был там в прошлом году, брат Патрик Харт, в прошлом секретарь Мертона, показал мне эту книгу на полке в библиотеке.) Записи показывают, что более 600 000 экземпляров книги в первоначальном тканевом переплете были проданы в первые 12 месяцев. Ну а на сегодняшний день, конечно, общее число продаж, включая издания в бумажном переплете и переводы, достигает нескольких миллионов, и из года в год «Гора» продолжает продаваться.

Почему успех «Горы» столь сильно превзошел мои ожидания как редактора и издателя? Почему, несмотря на то, что она была исключена из списка бестселлеров, продажи были столь впечатляющи? Издатели не могут *сделать* из книги бестселлер, хотя некоторые читатели (и неко-

⁶ *Клэр Бут Люс* (Clare Booth Luce, 1903–1987) — американская писательница и политик (в 50-х гг. — посол США в Италии).

Фултон Шин (Fulton Sheen, 1895–1979), с 1951 г. — епископ, с 1969 г. — архиепископ, американский католический церковный писатель и проповедник, использовавший телевидение и радио как проповедническую кафедру.

Грэм Грин (Graham Greene, 1904–1991), *Ивлин Во* (Evelyn Waugh, 1903–1966) — английские писатели, сокурсники по Оксфорду.

Все эти авторы — католики.

⁷ *Книжный клуб* (book club) — коммерческая организация, продающая книги по сниженным ценам, часто по почтовым каталогам, или стимулирующая регулярные покупки книг путем предоставления скидок, подарков и т. п. в обмен на обязательство покупать определенное количество книг в определенный период.

торые авторы) в это верят. Здесь всегда присутствует элемент тайны: почему именно *эта* книга, именно в *этот* момент? Мне кажется, самое существенное — это правильное время, что обычно нельзя предвидеть. «Гора» появилась на свет в период больших разочарований: мы победили во Второй мировой войне, но началась холодная война, и люди были разочарованы и подавлены, искали пути вновь обрести уверенность. Во-вторых, — история Мертона необычна — хорошо образованный, способный четко выражать свои мысли молодой человек уходит — *почему?* — в монастырь. История хорошо рассказана, живо и красноречиво. Без сомнения, были и другие факторы, но на мой взгляд, эта комбинация — правильный предмет, представленный в правильное время — обеспечила первоначальный успех книги.

Одним из показателей влияния, которое имела книга, было возмущение, вызванное ею в некоторых кругах — не только у враждебно настроенных критиков, но и в среде религиозных людей, которые считали, что монаху не подобает писать. Я помню полученное с почтой гневное письмо, в котором говорилось: «Скажите этому болтливому трапписту, давшему обет молчания, чтобы он *заткнулся!*» Хотя молчание — традиционная часть жизни траппистов, они не приносят такого обета. Практика молчания (ради углубленного созерцания) не исключает взаимного общения (они общаются знаками). Для таких подстрекателей у меня был ответ: «Писательство есть форма созерцания».

Однажды случился и такой занятный инцидент: вскоре после публикации у меня раздался телефонный звонок из полицейского участка где-то на Среднем Западе⁸. Арестовали за нарушение общественного порядка какого-то пьяного, громогласно заявлявшего, что он — Томас Мертон и что он оставил монастырь. Полиция просила меня поговорить с ним, но я отказался: «В этом нет необходимости. Просто спросите у него имя его литературного агента». Конечно, он не знал ее имени, чем и изобличил в себе самозванца.

Известность, последовавшая за публикацией книги, стала для Тома источником смущения еще и потому, что он скоро перерос себя двадцатилетнего и чрезвычайно развился как мыслитель и писатель. Подобно Гекльберри Финну, он быстро вырос. Из всех писателей, которых я знал, — а я знал некоторых великих — ни у кого не было такого быстрого интеллектуального роста, ум его зрел и углублялся с годами поразительным образом. Если он ждал, что «уйдет» из мира, то этого не произошло. Наоборот, по мере того как росли его писательская деятельность и слава, он стал получать письма от Бориса Пастернака из России, доктора Дайсэцу Судзуки из Японии, доктора Луи Массиньона и Жака Маритена из Франции, каноника

⁸ *Средний Запад* (Midwest, также Middle West) — историческое название штатов Северного центра, экономико-статистического региона, от западного Огайо до Скалистых гор. Ранее назывался Дальний Запад — Far West.

А.М. Олчина из Кентерберийского кафедрального собора, поэта Чеслава Милоша из Польши, доктора Абрахама Джошуа Хешеля из Еврейской богословской семинарии в Нью-Йорке⁹. Многие другие, знаменитые и безвестные люди, с которыми он состоял в переписке, все больше и больше расширяли его кругозор.

За два года до смерти он написал предисловие к японскому изданию «Семярусной горы», в котором выразил отношение к книге, написанной почти двадцать лет назад:

Если бы я попытался написать эту книгу сегодня, она, возможно, была бы другой, кто знает? Но она написана тогда, когда я был еще довольно молод, и такой останется. Эта история больше не принадлежит мне.... Поэтому, высокочтимый читатель, я хотел бы говорить с тобой не просто как автор, рассказчик, как философ или друг. Я бы хотел говорить с тобой как в некотором смысле твое собственное “я”. Кто скажет, что это значит? Я сам не знаю, но если ты слушаешь, то возможно, услышишь то, что не написано в книге. И это будет не благодаря мне, но благодаря Тому, кто живет и говорит в нас обоих.

Томас Мертон умер в 1968 году во время конференции восточных и западных монахов в Бангкоке. Сегодня, накануне пятидесятой годовщины выхода в свет «Семярусной горы», мне снова вспоминаются слова Марка Ван Дорена, которые и Том и я студентами слышали в его классе: «Классика — это книга, которая остается в печати».

1998

⁹ *Дайсэцу Судзюки* (Daisetsu Suzuki; 1870–1966) — японский буддолог, философ, психолог, один из ведущих популяризаторов дзен-буддизма, профессор философии Университета Отани в Киото, член Японской академии наук.

Луи Массиньон (Louis Massignon; 1883–1962) — французский ученый, востоковед, исламовед и арабист.

Жак Маритен (Jacques Maritain; 1882–1973) — французский философ, теолог, принявший католичество, основатель неотомизма.

Каноник *А. М. Олчин* (Canon A.M. Allchin — Артур Макдональд Олчин; 1930–2010) — англиканский священник и богослов, писатель и проповедник, интересовавшийся, в частности, отношением восточного православия и западного христианства (две статьи А.М. Олчина о Мертоне и православии опубликованы по-русски в книге: *Мертон Т. Семьна созерцания*. М. : Общедоступный православный университет, 2005; 2009 (пер. А. В. Кириленкова)).

Чеслав Милош (Czeslaw Milosz; 1911–2004) — польский поэт, переводчик, эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 г., праведник мира.

Абрахам Джошуа Хешель (Abraham Joshua Heschel; 1907–1972) — американский раввин польского происхождения, один из ведущих еврейских богословов и философов XX века.

УИЛЬЯМ Х. ШЕННОН

Президент-основатель Международного общества Томаса Мертона

ПОЯСНЕНИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Семиярусная гора» увидела свет 4 октября 1948 года и сразу возымела успех. Ее провозгласили «версией» «Исповеди» Августина для двадцатого века, она вот уже пятьдесят лет продолжает пользоваться неизменным покупательским спросом. Ивлин Во, не самый снисходительный критик, пророчески писал, что «Семиярусная гора» «вполне может оказаться предметом постоянного интереса для историков религиозного опыта». Грэм Грин предположил, что это «автобиография, пример и смысл которой ценны для всех нас». Ее читательская аудитория все расширялась, выйдя далеко за пределы страны происхождения. Появилось более двадцати переводов на иностранные языки; одним из последних стал китайский.

Опубликованная всего через три года после окончания Второй мировой войны, «Семиярусная гора» сразу задела за живое читателей в Америке, а затем и в других частях света. Время было выбрано идеально: она вышла как раз тогда, когда люди, утратившие иллюзии после войны и ищущие смысла в жизни, были подготовлены к тому, чтобы услышать хорошо рассказанную историю молодого человека, чьи поиски завершились замечательным открытием.

Тем не менее, как и любая классическая работа, «Семиярусная гора» нуждается в некотором введении для нового читателя. Поскольку она выходит в специальном юбилейном издании, эти пояснения могут оказаться полезными, предвосхитив некоторые трудности и предложив разъяснения, которые облегчат читателю подход к книге и дадут более ясное понимание того, о чем говорит Томас Мертон, когда он с юношеским воодушевлением рассказывает историю своего обращения в католическую веру.

Я вижу в «Семиарусной горе» три основных момента, которые могут удивить или смутить читателя. Это пронизывающая ее несовременная религиозная атмосфера, недостающие сведения о том, что читателю хотелось бы знать, но о чем умалчивает автор, и интерпретация, которую писатель дает своему рассказу.

РЕЛИГИОЗНАЯ АТМОСФЕРА

Эта книга написана молодым монахом, дивно счастливым в первые годы своего пребывания в траппистском монастыре и все еще находящимся под ярким впечатлением от своего опыта обращения, и она, конечно же, является откровенно римско-католической. Но Римско-Католическая Церковь, с которой вы сталкиваетесь в этой книге, бесконечно далека от той церкви, которую мы знаем сегодня. Сегодняшняя церковь — это продукт революции (и это не слишком сильное слово), запущенной Вторым Ватиканским собором.

Церковь до Второго Ватикана, в которой был крещен Мертон, все еще спорила — даже три столетия спустя — с протестантской Реформацией XVI века. Для нее характерен «осадный» менталитет, она выстраивала линию обороны вокруг своих доктринальных и моральных принципов, упорно цепляясь за прошлое. Будучи обособленным институтом, она не выказывала большого желания открыться навстречу вопросам и потребностям мира, переживавшего огромные и беспрецедентные изменения. Церковь гордилась стабильностью и неизменностью своего учения в условиях изменчивого мира. К тому времени, когда Мертон написал свою книгу, римско-католическое богословие превратилось в набор готовых ответов на любые вопросы. Полемическое и апологетическое по тону, оно было призвано доказать, что католики правы, а все остальные неправы. Это высокомерие и самоуверенное превосходство очаровательно запечатлены в рассказе Брендана Бихана о католическом епископе Коркском, который в ответ на сообщение своего секретаря о смерти епископа Коркского Церкви Ирландии самодовольно заметил: «Теперь он знает, кто настоящий епископ Корка».

Сегодня, когда эта косная церковная атмосфера отделена от нас пятью десятками лет, может быть трудно понять восторг, с которым Томас Мертон принял триумфалистский менталитет церкви. Тем не менее, как и многие новообращенные, нашедшие свой путь в церковь после многих лет бесцельного блуждания, он с самого начала принял ее целиком и полностью. Он был счастлив сменить сомнения и неуверенность своего прошлого на неоспоримую и беспрекословную уверенность Католической Церкви середины двадцатого века. Уверенный в своей принадлежности к «единственно истинной» церкви, он слишком часто пренебрежительно отзывается о других христи-